

около 2700 человек, из которых 2 тыс. – фламандцы и более 400 – французы, в 1579 г. число иммигрантов удвоилось, достигнув 5 тыс. человек (см.: *Clarkson L. P. The Pre-industrial economy of England. L., 1971. P. 68*).

⁷⁰ Proclamation of Queen Elizabeth against new buildings in and about London // *The Historical Charters and Constitutional Documents of the City of London / ed. by W. G. Birch. L., 1887. P. 128–131.*

⁷¹ Thomas Platter's Travels in England. P. 196–197.

⁷² Ibid. P. 197.

⁷³ Thomas Platter, A Swiss Tourist in London.

⁷⁴ Ibidem.

⁷⁵ Этот дворец был построен при Генрихе VIII и изначально предназначался для размещения иностранных послов и монархов. В 1550 г. дворец отдали для нужд бедных. К тому времени в примерно 80-тысячный Лондон прибыло около 12 тыс. бедняков со всей страны. В результате Брайдуэлл вскоре стал не убежищем, а первым в Англии исправительным домом. Обитатели его занимались чесанием шерсти и прядением, в качестве наказания полагалась чистка канализации или работа

на мельнице. Место получило большую известность и в итоге стало обязательной для посещения «галочкой» для гостей столицы. Желаящих посмотреть на работающих и порку полуобнаженных проституток стало так много, что пришлось даже построить галереи с балюстрадами, чтобы вместить зрителей.

⁷⁶ Thomas Platter, A Swiss Tourist in London.

⁷⁷ Ibidem.

⁷⁸ Thomas Platter's Travels in England. P. 197.

⁷⁹ Ibidem.

⁸⁰ Ibidem.

⁸¹ Ibid. P. 188.

⁸² Ibid. P. 189.

⁸³ Ibid. P. 194.

⁸⁴ Ibidem.

⁸⁵ Ibidem.

⁸⁶ Ibidem.

⁸⁷ Ibid. P. 189.

⁸⁸ Ibidem.

⁸⁹ Ibidem.

⁹⁰ Ibid. P. 190.

УДК 94(44)“72”Пакье

ТРАКТОВКА БРИТАНСКОЙ ИСТОРИИ В ТРУДАХ ИСТОРИКА Э. ПАКЬЕ

И. Я. Эльфонд

Саратовский государственный социально-экономический университет
E-mail: iyelfond@mail.ru

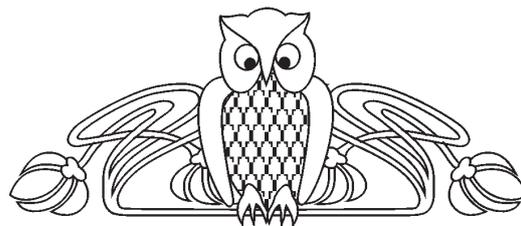
Статья посвящена специфике интерпретации британской истории французским гуманистом Э. Пакье. В статье сделана попытка показать особое отношение французского историка к английскому народу и раскрыть пути формирования образа традиционного врага на основе анализа фактов английской и французской истории в эпоху Великого переселения народов, борьбы Англии с Францией в Средние века. Пакье уделяет особое внимание религиозному противостоянию в эпоху Реформации и трагической судьбе Марии Стюарт. Содержание статьи доказывает, что негативная оценка англичан Э. Пакье служит ему для создания образа чужого и пропаганды толерантности.

Ключевые слова: английская история, англ. и англичане, этнос, вторжения, войны, религиозный конфликт, образ чужого.

The Treayment of British History in the Works of Historian E. Pasquier

I. Ja. Elfond

The paper deals with specificity of a representation of British history by French humanist E. Pasquier. The author attempts to present the special attitude of French historian towards English nation and to find out the ways in forming the image of traditional enemy due to analysis of English and French history's facts during the Great Migrations, and poque of medieval struggle between England and France. Pasquier devotes the intent attention to Religious confrontation during the Reformation and to the tragic fate of Mary Stuart. The paper's content

demonstrates that Humanist's negative concept of Englishmen served to creation of image of alien and propoganda of tolerance.

Key words: English history, Angles and Englishmen, ethnos, invasions, wars, religious conflict, image of alien.

Гуманист Э. Пакье, входивший в кружок «Плеяды» и бывший близким другом Ронсара, – один из крупнейших французских гуманистов XVI в. Автор любовных стихов, диалога о сущности любви «Монофил», блестящих исторических писем и политических трактатов прославился также как юрисконсульт и историк-эрудит¹. Он оставил гигантский труд «Изыскания о Франции», где изложена новая концепция развития истории, поскольку он был едва ли не единственным историком своего времени, полагавшим, что история движется в направлении прогресса, а развитие человечества обусловлено не столько завоеваниями и политическими учреждениями, сколько цивилизационными факторами – развитием городов и культуры, которую он усматривал прежде всего в развитии литературы². Поэтому-то и «Изыскания» принимали свой необычный вид: первое издание, вышедшее в свет в 1561 г., было *in octavo* и в нем насчитывалось окол 300 страниц; в многочисленных переизданиях автор расширил

свое детище, добавляя все новые и новые разделы, так что издание 1643 г., подготовленное автором незадолго до смерти в 1619 г., было *in folio* и объемом более 1000 страниц. Второй особенностью этого исследования стала концентрация автора исключительно на истории Франции и французского народа, в том числе институциональной и этнической истории, истории церкви, средневековой французской литературы, куда он включает и все написанное на окситанском языке, и истории образования³. Несмотря на то что главным объектом исследования являются судьбы Франции, Пакье в своем труде уделяет значительное внимание истории только одного народа – англичан.

Детально к фактам английской истории он обращается в связи с четырьмя историческими проблемами: во-первых, расселение германцев в Европе; во-вторых, взаимоотношения Франции и Анжуйской империи; в-третьих, перипетии Столетней войны, и, наконец, в-четвертых, судьбы британских монархов. Решение всех этих проблем строилось на определенной оценке как самого этноса, так и его роли в европейской истории. При анализе вопроса о генезисе французского народа (а в историографии к этому времени уже утвердилась синтезная концепция) Пакье обращается к общей проблеме контаминации этносов в ходе Великого переселения народов, по его определению, германских «жестоких и грубых племен»⁴. При этом он особо выделяет судьбы Великобритании. Бритты, согласно концепции Пакье, были автохтонным населением, так что «сам остров был назван Британия..., поскольку они были там хозяевами с незапамятных времен еще до рождения Христа». Пакье отмечает свой источник – сочинение Бэды Достопочтенного. Однако во времена Феодосия и Валентиниана их земли подвергались жестоким вторжениям со стороны пиктов и скоттов и не получали помощи от римлян. После многократных тщетных обращений за помощью они «вынуждены были избрать короля Вортигерна (sic!) из своего народа (nation) и по его совету призвали на помощь германские племена англов и саксов»⁵. Его видение последствий этого приглашения (хотя он и не обвиняет Вортигерна), вероятно, восходит к Гильдасу⁶. Речь идет о жестоким этническом конфликте и подчеркивается печальная судьба автохтонного населения в результате деятельности завоевателей: «Саксы и англы, после того как подавили пиктов и скоттов, загнав их в уголок страны к вящей выгоде Великобритании, затем распространились по всей территории, изгоняя первых обитателей из их собственных поселений и поместий»⁷. Пакье считает нужным указать на вынужденное переселение бриттов во Францию, отметив, что часть современных французов происходит из Великобритании. Оценка гуманиста недвусмысленна, и он подчеркивает истинность своих тезисов, причем указывает, что ее разделяют и английские историки: «...англы ... вытеснили древних брит-

тов на оконечность острова, называвшуюся Уэльс. Вот по этой-то причине бритты всегда помнили о зле, которое они претерпели от англов, и королевство Уэльс на протяжении нескольких сот лет существовало отдельно от Англии»⁸.

Этим притеснением автохтонного населения он и объясняет массовую эмиграцию на континент, во Францию. Данный процесс историк, по-видимому, считает одной из первых причин вражды между французами и англичанами: «... бедные бритты в итоге вынуждены были покинуть остров, оставив королевство в руках англов»⁹. Автор, таким образом, полагал, что уже в самом начале английской истории она характеризовалась раздорами между этносами, завоеваниями и преследованием коренного населения. Поэтому вторжение скандинавов, а позднее и завоевание норманнами толкуется как справедливое воздаяние англам и саксам: «Вильгельм подчинил Англию, показав своим преемникам путь и средства удерживать этот буйный народ в узде»¹⁰. Гуманист, рассматривая историю правления нормандской династии, отмечает «страшную грубость и жестокость правителей при полном незнании природы страны»¹¹. Так закладывается основа для оценки и характеристики английского народа и в позднейшие времена.

Естественно, что оценка действий англичан в дальнейшем (особенно в Столетней войне, которую Пакье называет «войны с англичанами») дается также с негативных позиций, а события трактуются в антианглийском духе. По мнению историка, англичане – исконные враги, которые губят страну, пользуясь местными раздорами, и в результате «герцог бургундский удерживал короля, дофин был изгнан, англичане находились в сердце королевства, дворянство либо погибло, либо оказалось в плену после битвы при Азенкуре»¹². Их монархи (Генрих V в особенности) стремились «только к тому, чтобы расширить свои владения благодаря нашей гибели»¹³. Азенкур провозглашался страшным для Франции днем, когда «весь цвет французского дворянства был истреблен англичанами»¹⁴. Пакье рисует трогательный образ Жанны д'Арк, которую послал сам Бог, но по произволу англичан «бедная невинная девушка была казнена»¹⁵. Весь процесс над Жанной, как и другие события, связанные со Столетней войной, он объясняет скорее психологическими качествами народа и его правителей – жестокостью, жадностью, аморальностью и т. п. Естественно, что подобное поведение не могло быть угодным Богу, тем более что англичане, как утверждал Пакье, были склонны к ереси уже тогда; он доказывал, что «ересь английского доктора Джона Виклефа, который начал писать против церковных традиций и выступать против них», была началом Реформации¹⁶. Виклеф провозглашался первым среди реформаторов, обречшим англичан на ересь вплоть до современной автору эпохи; по мнению Пакье, «яд отравил бедных

английских католиков». Однако воля Бога, по утверждению Пакье, противостояла действиям англичан, и спровоцированный англичанами в своих целях судебный процесс «оказался началом их бедствий». Справедливый суд Божий решил дело в пользу французов: «В конце концов все эти продолжительные бедствия окончились, и англичане были изгнаны из Франции благодаря отваге полководцев короля»¹⁷.

Ключом к пониманию позиции гуманиста служит одна короткая фраза: «Людовик XI считал, что величайшим врагом страны являются англичане, весь английский народ (*les Anglois*) безо всякого исключения».

Однако тон и стиль Пакье совершенно меняются в том единственном фрагменте его труда, который вообще никак не связан с французской историей. Сразу же после февраля 1587 г. в следующем издании публикуется отдельная глава, посвященная казни Марии Стюарт, где детально дается изложение событий в Англии после суда над Марией Стюарт. Глава появилась явно под впечатлением от сообщения о казни королевы, и построена она на противопоставлении не только Елизаветы и Марии, но и шотландской королевы и англичан. Разумеется, французы, особенно католики, могли сочувствовать трагической судьбе королевы Шотландии – старой союзницы Франции, сама личность Марии как дочери французской принцессы и вдовствующей королевы Франции была, конечно, им ближе. Но во всем данном фрагменте заметна совершенно новая нотка. Разумеется, английская сторона показана и здесь резко негативно, но акценты расставлены иначе. Впервые Пакье выражает различное отношение к англичанам, разделяя их по конфессиональной принадлежности и подчеркивая, что трагическая судьба шотландской королевы неотделима от печальной участи преследуемых английских католиков. Англичан он осуждает уже не как нацию, а как последователей протестантизма, причем для него все течения Реформации едины, он их не дифференцирует. В трактовке Пакье в Англии правят пуритане, сама Елизавета насаждает лютеранство, да еще наряду с пуританами упоминаются кальвинисты.

Образ же Марии Стюарт подается как невинной мученицы и жертвы страха и религиозного озлобления. Он очищается и возвышается трагичностью конца: автор не упоминает о причинах, по которым Мария оказалась в Англии, он не вспоминает ни о восстании против нее на родине, ни о скандалах, связанных с ее именем, ни о ее кознях в Англии. Речь идет только о ложных обвинениях и незаконном содержании в заточении: «После того как эта бедная принцесса удерживалась в Англии как пленница на протяжении девятнадцати лет, ее обвинили на их собрании сословий, которое там называется парламентом, в том, что она подвигала других лиц покушаться на жизнь английской королевы»¹⁸. Объяснение происходя-

щего просто – вероотступники мстят несчастной жертве за ее верность католической религии: «Эта бедная принцесса (подобно скале среди волн) была в любых несчастиях верна нашей Католической апостолической римской религии, что изумляло английских вельмож, которые исповедовали кто лютеранство, кто кальвинизм в страхе, что могут рассердить свою королеву»¹⁹. Интерпретация событий отличается целым рядом специфических искажений. Прежде всего суд над Марией Стюарт не был связан с парламентом и тем более с собранием сословий. Здесь явно сказалось общее негативное отношение Пакье к сословному представительству как учреждению. Второй мотив сразу же показывает, что все оценки французского историка определялись отношением к противостоянию двух конфессий. Неслучайно он мотивирует решение судей самыми недостойными чувствами – страхом и религиозной беспринципностью. В его трактовке преследование только усиливается вследствие того, что жертва является ближайшей наследницей английского престола и может наступить расплата: «Зная, что та наиболее близка [к Елизавете] по крови и потому может достичь короны, они и вели процесс». Поэтому решение Елизаветы трактуется Пакье как вынужденное, принятое под давлением беспринципных или оголтелых протестантов, в его интерпретации английская «королева поддалась их настояниям и назначила исполнение приговора на 1 февраля 1587»²⁰. Невозможно установить, каким источником Пакье пользовался, свою версию он преподносит как совокупность общеизвестных фактов, но решение Елизаветы совпадало с мнением правящих кругов Англии, она «взвесила и прорисовала все»²¹.

Автор подчеркивает силу духа Марии Стюарт: «Эта дама поняла, что новости касаются ее близкой смерти, но продемонстрировала величие души и храбрость, так что велела передать им, что она им рада, и уселась, чтобы дать аудиенцию посланцам собственной смерти». Пакье изображает ее великой жертвой верности католицизму и, по сути, мученицей за веру: «Благодаря столь жестокой несправедливости по отношению ко мне будет разрушена тюрьма моих страданий, а я достигну небесного блаженства»²².

Религиозная подоплека сложившейся ситуации доказывается и упоминанием о недостойном поведении посланцев Елизаветы, которые отказали приговоренной королеве в исповеди католическому духовнику, навязчиво предлагая священника-протестанта. При этом Пакье рисует кроткую реакцию обреченной: «Она сразу вернула голову в другую сторону, умоляя этих господ, чтобы они не вынуждали ее тщетно пойти против ее совести и веры. И стиснув руки и подняв глаза к небу, она стала возносить молитвы Господу то по-французски, то по-латыни». Последнее сообщение выглядит несколько странно для верующего католика – едва ли фанатичная католичка тогда могла молиться на каком-то другом языке, кроме латыни.

Пакье при описании последних часов жизни Марии подчеркивает исключительно ее устремленность к религии, о каждом моменте повествуется согласно привычным топосам христианской житийной литературы. Все выдержано в строгих трагических тонах. Даже обычные события описываются как подготовка к мученичеству. Именно так Пакье рисует последнюю трапезу в жизни королевы: сцена выстраивается как параллель событиям Тайной вечери. Таковы и изложение обращения королевы к слугам в попытке их утешить, и реакция слуг на речь их повелительницы: «Они подчинились, опустили на колени и, роняя слезы в свое вино, выпили за свою госпожу, смиренно умоляя ее простить их, если они ее чем-то оскорбили. Она простила их от всего сердца, в ответ также испросив их прощения». Пакье комментирует эту сцену: «...трудно сказать, что было более трогательно – то ли как они плакали, то ли как она их утешала»²³. Большую часть времени Мария отдает молитвам, и в трактровке Пакье ее буквально отрывают от алтаря, чтобы вести на заклание. Историк отмечает, что «те немногие мгновения жизни, что ей оставались, казались им все равно слишком долгими», и вкладывает в уста Марии возвышенную готовность принять мученичество: «...пусть откроют двери, настало время мне покинуть эту земную тюрьму»²⁴. Удивительно, что при такой точности в деталях Пакье вполне может путать имена и приводит их (даже имя Мелвилла) в невероятной транскрипции.

Пакье как историк-гуманист использует традиционный для гуманистической историографии прием – вставную речь. Он вкладывает в уста королевы Шотландии после прочтения приговора, да еще на эшафоте, длинную речь, произнесенную «храбрым и твердым голосом», в которой она излагает свою версию произошедшего. По сути, эта речь просто не могла быть произнесена в подобном месте, это речь самого автора, а материал почерпнут из источника, который явно излагает версию приверженцев Марии. Показательно, что старые биографии Марии включают в описание казни эту речь²⁵, но в современных исследованиях она отсутствует²⁶. В речи подчеркиваются статус Марии и ее неподсудность Англии: «Милорды, я рождена королевой и не подвластна вашим законам, я вдовствующая королева Франции, наследница английской короны... У вас нет никакой юрисдикции в отношении меня». Пакье в этой речи излагает свою позицию: «...на протяжении девятнадцати лет против всякого божественного и человеческого права насильно содержалась в заключении там, куда я пришла искать убежища»²⁷. Пакье восхищается гордостью жертвы, которая склоняется только перед Богом и просит прощения только у него.

Но главное в его изложении то, что королева Мария называет причиной своей гибели верность религии и открыто заявляет, что казнь дает ей ве-

нец мученицы: «...передайте это вашей королеве, что этот смертный приговор я воспринимаю как пропуск в Рай, а казнь, которую вы считаете позорной, я принимаю как знак славы»²⁸.

О ее былых проступках историк не упоминает, но отмечает в ее же речи: «Если я и совершила проступок, конечно же, девятнадцати лет заключения вполне достаточно, чтобы искупить терпением на протяжении всей жизни грех перед Богом, чтобы заслужить прощение людей, которые поразмышляют о моем ранге и о том, что каждый день тюрьмы был более горьким испытанием, чем внезапная смерть, которую я должна выстрадать»²⁹. Зато англичане обвиняются не только в гибели самой Марии, но и в преследовании меньшинства: «Вы, господа пуритане, которые руководят делами в этой стране, достаточно умны, чтобы доставлять бедствия английским католикам»³⁰. Мимоходом протестанты обвиняются и в искажении сущности христианской веры.

Очень важен еще один момент. Пакье явно критически оценивает свой источник, на который опирается. Вероятно, он сомневался в точности фактов и верности их интерпретации. Во всяком случае он считает необходимым отметить: «...что до меня, а наши мысли свободны, то у меня нет никаких сомнений в том, что все сказанное этой дамой перед своей смертью является истиной»³¹. Прежде всего, значит, уже тогда высказывались сомнения в содержании этой речи на эшафоте, а возможно, и в ее существовании. Пакье полностью разделяет все то, что он вложил в уста казненной королевы.

Особое место в тексте Пакье занимает оценка действий Елизаветы. Он вообще оказался одним из первых историков, кто рассмотрел антагонизм Марии и Елизаветы. Английская королева изображается чуть ли не марионеткой, которая в знак благодарности протестантам, что оказалась на троне, «рассадила ересь Мартина Лютера». Облик Елизаветы дополняется и характеристикой ее методов правления (словно речь идет о Марии Кровавой): «...чтобы утвердиться, она заставила слететь с плеч головы бедных католиков, которые не могли снизойти до нее. А другие католики удалились в изгнание». Беспринципности, трусости, жестокости противопоставляются стойкость, мужество и верность вере со стороны слабой женщины: «...долгое время моего предательского заключения ничего не изменило во мне, я сохранила свое мужество в отношении Божественных дел и верность моей католической вере, которая соответствует пути природы и закона, так что вы боитесь, что принцесса, воспитанная в папистской (как вы ее называете) религии, будет призвана к абсолютной власти в государстве».

Трагичность ситуации еще более нагнетается благодаря описанию реакции англичан на эту казнь: «...завонили все колокола Лондона и везде зажгались потешные огни и организовывались пирушки в знак радости»³².

К этой патетической сцене добавляется комментарий автора: «Я никогда не читал ни о подобной суровости, если не сказать жестокости, подобной той, которая была проявлена к этой даме, ни о верности вере, которую она доказала». Французский историк не боится оценивать поведение Елизаветы как низость, недостойную женщины, королевы и родственницы; по его мнению, «королеву предали смерти постановлением другой королевы, в которой должно было бы проявиться по природе большее милосердие»³³.

Пакье в целом оценивает государственную деятельность Елизаветы как один из лучших примеров правления женщин, рассуждая «о величии некоторых государынь». Он отмечает, что именно Елизавета достигла наибольших успехов, отказавшись от женских слабостей. Однако называя ее первой из пяти современных ему государынь (кроме нее это Екатерина Медичи, Жанна д'Альбре, Маргарита Пармская и правительница Португалии инфанта Элеонора), правящих «мудро и благоразумно»³⁴, историк считает казнь королевы Шотландии самым показательным из недостойных поступков английской королевы. Неслучайно далее в книге он пишет, что проклятие жены Генриха I Маргариты Шотландской (чтобы ее потомство жило в раздорах) «коснулось не только третьего и четвертого поколения, но продолжается до наших дней». Исполнение его он связывает как раз с тем, что «в 1587 королева Елизавета казнила свою родственницу королеву Шотландскую Марию Стюарт, после того как держала ее в своих тюрьмах на протяжении девятнадцати лет»³⁵. Тем самым всему придается еще моральный, символический и фаталистический оттенок.

Тем не менее он неоднократно отмечает, что суть произошедшего заключалась не в проклятиях, не в заговоре, а в противостоянии религий. И резюме – дело недостойное, его могли свершить только люди абсолютно беспринципные в вопросах веры. Но жертва превзошла своим величием мелкие дрязги и споры: «...она торжествовала не только над смертью, но и над королевой английской»³⁶. Моральное превосходство, согласно этой версии, на стороне казненной Марии. Пакье придает своей версии очень специфический оттенок – значение этой казни он оценивает как неизбежное жертвоприношение во имя объединения двух народов, которое обеспечено в результате гибели одной из королев. Жертва принесена не только торжеству католицизма, но и делу объединения страны и утверждению религиозной толерантности.

Таким образом, французский историк интересуется английской историей и ее персонажами гораздо больше, чем любыми другими народом и страной (кроме Франции). Однако все его оценки свидетельствуют, что он, собственно, конструирует образ чужого так, как это обычно делалось в данный период; однако рисуя негативный образ былого врага, судя по всему, он и продолжает

оценивать англичан как главного врага Франции. И все же если средневековые события скорее должны были вызывать у читателя отвращение, ненависть и презрение и трактуются как противостояние двух народов, то в основу всех оценок событий XVI в. заложено осуждение непримиримой религиозной конфронтации и негативные оценки распространяются только на «нехороших» протестантов всех оттенков. Для Пакье, как правило, пропагандирующего толерантность³⁷, необычен уже сам подобный подход. Тем не менее отношение к англичанам при любых условиях скорее негативное. Образ врага воплощен им как раз в англичанах, что в условиях гражданских войн, когда одна часть французского населения усматривала врага в испанцах, а другая в немцах, было явлением исключительным. Подобная попытка восстановить образ врага, давно утративший свою актуальность, оказалась довольно редкой и неожиданной для конца XVI в.

Примечания

- 1 См.: *Boutiller P. Recherches sur la vie et la carrière d'Etienne Pasquier, historien et humaniste du XVIe siècle.* P., 1989; *Эльфонд И. Я.* Кабинетный ученый и бури гражданских войн: Этьен Пакье // *Человек XVI столетия.* М., 2000.
- 2 См.: *Kelley D. Foundations of modern historical scholarship.* N. Y., 1970.
- 3 См.: *Bütler R. Nationales und universales Denken im Werke Estienne Pasquier.* Basel, 1948; *Sweany S. Estienne Pasquier (1529–1615) et nationalisme littéraire.* P., 1985.
- 4 *Pasquier E. Les Recherches de France.* P., 1633. P. 14.
- 5 *Ibid.* P. 30.
- 6 См.: *Гвоздецкая И. Ю.* Англосаксонская история в лицах и конфликтах. Иваново, 2001. С. 10–14.
- 7 *Ibid.* P. 15.
- 8 *Ibid.* P. 31.
- 9 *Ibidem.*
- 10 *Ibid.* P. 33.
- 11 *Ibidem.*
- 12 *Ibid.* P. 255.
- 13 *Ibid.* P. 449.
- 14 *Ibid.* P. 253.
- 15 *Ibid.* P. 454.
- 16 *Ibid.* P. 251.
- 17 *Ibid.* P. 463.
- 18 *Ibid.* P. 500.
- 19 *Ibidem.*
- 20 *Ibidem.* Фактическая ошибка Пакье – казнь была назначена на 8 февраля.
- 21 *Дмитриева О. В.* Елизавета I. М., 1998. С. 135.
- 22 *Pasquier E.* Op. cit. P. 502.
- 23 *Ibid.* P. 500.
- 24 *Ibid.* P. 501.
- 25 См.: *Dargaud J. M. Histoire de Marie Stuart: in 3 vols.* Bruxelles, 1851. Vol. 3. P. 222.

²⁶ См.: Fraser A. Mary Queen of Scots. N. Y., 1984. P. 621.

²⁷ Pasquier E. Les Recherches de France. P. 502.

²⁸ Ibid. P. 503.

²⁹ Ibidem.

³⁰ Ibid. P. 503.

³¹ Ibid. P. 504.

³² Ibidem.

³³ Ibidem.

³⁴ Ibid. P. 563.

³⁵ Ibid. P. 532.

³⁶ Ibidem.

³⁷ Thicket D. Estienne Pasquier and his part in the struggle for tolerance // Aspects de la propagande religieuse. Genève, 1957.

УДК 9(4/9)(082)

ЧАСТНОЕ КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЕ В АНГЛИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА КАК ФОРМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Т. В. Мосолкина

Саратовский государственный университет

E-mail: tmosolkina@mail.ru

В статье рассматриваются начальный этап формирования частных музеев в Англии эпохи Реставрации, мотивы собирательства, принципы отбора экспонатов, способы размещения коллекций. Анализируется отличие английского частного коллекционирования от континентального.

Ключевые слова: историческая память, частное коллекционирование, английские частные коллекции, кабинет редкостей, галерея.

Private Collecting in England in Second Half XVII Century as the Form of Historical Memory

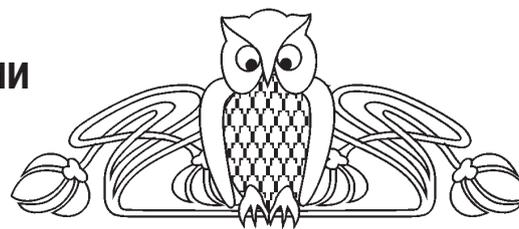
T. V. Mosolkina

In article the initial stage of formation of private museums, motives of collecting, principles of selection of exhibits, ways of placing of collections is considered. Difference of an English private collecting from the continental is analyzed.

Key words: historical memory, private collecting, English private collections, office of rarities, gallery.

Историческая память – понятие очень многозначное. В одном из ее проявлений историческую память можно рассматривать как способ соединения прошлого, настоящего и будущего. Национальная и социальная идентичность определяется уважением к истории и ее различным проявлениям. Л. П. Репина отмечает, что историческая память – это «важнейшая составляющая самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом, ибо разделение оживляемых образов исторического прошлого является таким типом памяти, который имеет особое значение для конституирования и интеграции социальной группы в настоящем»¹.

В данном выступлении делается попытка рассмотреть частное коллекционирование как одну из форм хранения культурного и духовного опыта. В XIX в. в эпоху романтизма сформировалось представление о музее как «резервуаре», где

хранится «непреходящее наследие» – «культурные ценности». В основу всех крупнейших мировых музеев, в том числе и в Великобритании, положены коллекции, собранные частными лицами. Поэтому интересно познакомиться с периодом «предмузейного» коллекционирования, когда подборки редкостей создавались не случайно, а по какому-то определенному принципу.

В последнее время высказываются очень противоречивые мнения по поводу будущего музейных собраний и на Западе, и в России. С одной стороны, в этом отношении показательно высказывание директора Государственного музея «Останкино» Г. Вдовина: «Музеи всего мира, равно как музейное сообщество в целом, переживают кризис, причину которого все мы охотно видим в экономике и юриспруденции. Не пора ли признаться, что причины этого кризиса глубже. И, похоже, он – кризис – мировоззренческий. <...> Первопричиной кризиса является повсеместная утрата чувства подлинника. Давайте, наконец, увидим и признаемся, что для большинства наших и не наших граждан давно нет разницы между подлинным живописным полотном и разворотной глянцевой иллюстрацией в дорогом альбоме. Нужно не рассматривать произведение скульптуры в реальном круговом обходе, ежели эту возможность предоставляет музейный сайт»². С другой стороны, английский музейвед А. Хаттон пишет: «В своей основе современные существующие на «развитом» Западе музеи мало отличаются от тех, которые создавались одно-два столетия назад. В действительности музеи все еще являются новым феноменом, не изжившим своих эмбриональных черт, а именно – это все еще собрания, в значительной степени сформированные отдельными людьми»³.

Рассмотрение частного коллекционирования в Англии эпохи Реставрации представляет интерес по нескольким причинам. От континентальных собирателей английские коллекционеры отличались своим социальным составом. Кроме того, частные коллекции в Англии были своеобразными по